

УДК 882.09

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА ГРАЖДАНСТВЕННОГО РОМАНТИЗМА: В ПОИСКАХ “СВОЕЙ” НАРОДНОСТИ

Г. С. Чернова

кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики
МГУ имени А. А. Кулешова, г. Могилев, РБ

В статье отмечается объективная обусловленность борьбы критиков-декабристов и их единомышленников за национальную самобытность русской литературы. Анализируются эτικο-эстетические принципы их суждений о народности. Доказывается связь теоретических основ их трактовки категории народности с философско-эстетической мыслью своего времени. Рассматриваются достижения и «предел» критики гражданского романтизма. Подчеркивается актуальность выводов ее представителей о необходимости защиты национальных основ своей культуры.

Введение

Народность как один из основополагающих критериев оценки художественных произведений утверждается в русской критике в эпоху романтизма в начале XIX в. Победа России в Отечественной войне 1812–1813 гг. обусловила подъем не только личного, но и национального самосознания. В литературных кружках, на заседаниях первых тайных обществ заговорили о “русском колоссе” и необходимости создания самобытной литературы, способной отразить национальные особенности россиян. В свою очередь перед критикой вставала задача определить содержание самого понятия “народность”.

Значительный вклад в ее решение внесла критика гражданского романтизма. Социально-этический смысл суждений ее представителей о “духе времени”, национальной самобытности, назначении поэта и поэзии в разные годы исследовали Г.А. Гуковский, В.Г. Базанов, Н.И. Мордовченко, Н.А. Степанов и др. Сегодня же особую актуальность приобрела проблема взаимовлияний различных культур и культурных традиций. Поэтому возникает необходимость определить, прежде всего, теоретическую основу трактовки категории народности русскими критиками-романтиками, что дает возможность выявить связь их трактовки с европейской философско-эстетической мыслью своего времени.

Основная часть

В критике гражданского романтизма главенствующую роль играли те, кого позже назовут декабристами. Именно они определяли этические и эстетические принципы этого направления с 1816 (со времени создания первых тайных обществ) по 1825 г., когда был подавлен мятеж на Сенатской площади. Однако пафос общественного служения, вольнолюбия и борьбы за свободу личности отстаивали и люди, близкие к ним по своим убеждениям и литературным пристрастиям. Поэтому с полным правом можно утверждать, что кроме А.А. Бестужева, В.К. Кюхельбекера, К.Ф. Рыльева критику гражданского романтизма представляли П.А. Вяземский, Н.И. Гнедич, О.М. Сомов, участник группы “Зеленая лампа” А.Д. Улыбышев и др.

В оценке литературных явлений декабристы и их единомышленники руководствовались двумя взаимосвязанными критериями: народностью и общественно значимым предметом изображения. “Желательно, чтобы критика <...> отвергла все частности <...> а имела бы взор более общий, правила более стихийные. Лица и случайности проходят, но народы и стихии остаются вечно”, – писал Бестужев в обзоре “Взгляд на русскую словесность в течение 1824 и начале 1825 годов” [1, с. 403].

Но для того, чтобы использовать критерий народности, необходимо было уяснить содержание самого этого понятия. Принято считать, что наиболее полное определение народности принадлежит О.М. Сомову. В статье “О романтической поэзии” он писал: “Словесность народа есть говорящая картина его нравов, обычаев и образа жизни. <...> Новость поэзии, качества, отличающие ее от стихотворства других племен, состоит не в названии родов ее, но в духе языка, способе выражения, в свежести мыслей, в нравах, наклонностях и обычаях народа, в свойствах предметов, окружающих и действующих на воображение” [2, с. 136]. Те же мысли звучали в публикациях и других представителей критики гражданского романтизма. Нельзя, однако, не отметить, что все их суждения о самобытности искусства базировались на идее народности художественного творчества, сформулированной немецким философом Г.И. Гердером. “Он первый вполне ясно и систематически стал смотреть на всю литературу как на проявление живых национальных сил, как на отражение национальной цивилизации во всем ее целом”, – писал В.И. Гёте [3, с. 313]. Однако сам Гердер называл своим учителем Ж.-Ж. Руссо. Именно французский философ обозначил в своих трактатах проблемы, которые во всех странах Европы приобрели особую актуальность к началу XIX в.: человек и его права и народ как субъект истории [4]. Вслед за Руссо Гердер доказывал, что образцы “безыскусственности и благородной простоты” следует искать не в элитарной, а в народной, демократической культуре.

Труды Гердера, особенно “Идеи к философии истории человечества” (1784–1791), принесли их автору европейскую известность. В России Гердера читали его современники А.Н. Радищев, Г.Р. Державин, В.А. Жуковский. “Великим ученым и глубокомысленным метафизиком” считал Гердера Карамзин. Как заметил Н.А. Бердяев, “русская творческая мысль начала раскрываться в атмосфере германского идеализма и романтизма” [5, с. 93].

Об отношении декабристов к Гердеру можно судить по короткому замечанию, которое сделал в своих “Путешествиях по Германии” Кюхельбекер: “Вчера вечером приехал в Веймер; в Веймер, где жили великие Гёте, Шиллер, Гердер, Виланд” [6, с. 418]. Несомненно, что в умах и сердцах патриотически настроенных молодых литераторов находили отклик мысли “мудреца-песнопевца”, “великого Гердера” (Кюхельбекер) о том, что каждый народ имеет свою историю, свою культуру, свою судьбу. Однако эти общие положения декабристы наполняли своим содержанием. “Русские искали в западной мысли, прежде всего, сил для изменения и преобразования собственной неприглядной действительности” [6, с. 91]. Эти слова Бердяева во многом объясняют то особое чувство, с которым Улыбышев, Рылеев, Кюхельбекер воспринимали строки Гердера, посвященные славянам. С большой симпатией автор “Идей...” писал об их миролюбии, милосердии, гостеприимстве, любви к свободе, но в то же время, – о послушании, покорности и “лености раба”. Эти противоречия в характере славян он объяснял драматической судьбой народа, пережившего многочисленные нападения врагов

с Запада и нашествие кочевников с Востока. Однако Гердер был убежден, что колесо истории не стоит на месте, и в будущем славяне “пробудятся от своего долгого, тяжелого сна, сбросят с себя цепи рабства <...> и отпразднуют свои древние торжества спокойного трудолюбия и торговли”. Поэтому он призывал ученых описывать “исчезающие остатки обычаев, песен и сказаний славян, чтобы была создана целостная история этого племени, чего настоятельно требует общая картина человечества” [7, с. 176].

Представители критики гражданского романтизма признавали актуальность призыва Руссо и Гердера изучать историю и культуру своего народа. “Великие события (победа русского оружия над Наполеоном. – Г.Ч.) оживили почти угасшую искру нашего народного гения. Стали вскрывать плодоносную и почти нетронутую жилу нашей древней народной словесности. И вскоре из нее вспыхнул поэтический огонь”, – писал Улыбышев в статье “Сон” (1819) [2, с. 127]. Летописи, песни, народные сказания, в которых раскрываются национальные особенности россиян, литераторы-декабристы считали “вернейшими источниками нашей словесности”. Показательна публичная лекция Кюхельбекера, которую он прочел в Парижском Атене во время своего заграничного путешествия 1820–1821 гг. Он говорил о новгородской вольности, о древнем русском республиканизме, о нашем национальном характере. Влияние Гердера прослеживается и в постановке Кюхельбекером проблемы языка. Немецкий философ доказывал, что “языки у разных народов отличаются не только строением речи, но и физиогномическим образом”. Кюхельбекер добавлял, что в языке раскрывается национальный характер, что в свою очередь определяет развитие литературы народа.

Декабристы и их единомышленники считали, что в подражательной литературе не может быть художественности. В этом убеждении были едины Сомов и Кюхельбекер, Вяземский и Рылеев. “Необходимо иметь народную поэзию, неподражательную, независимую от преданий чужих”, – призывал Сомов [2, с. 141]. “Признаемся со смирением, – сетовал Вяземский в статье “О «Кавказском пленнике»”, – есть язык русский, но нет еще словесности, достойной народа могучего и могущественного” [2, с. 144]. Бестужев, по сути, упрекал всю новейшую русскую литературу в подражательности: “Было время, когда мы вздыхали по-стерновски (камень в сторону Карамзина. – Г.Ч.), потом любезничали по-французски (упрек русским классицистам. – Г.Ч.), теперь залетели в тридевятую даль по-немецки (понятно, что имелся в виду Жуковский и его последователи. – Г.Ч.). Когда мы будем писать по-русски?” [1, с. 405]. И, наконец, Кюхельбекер в статье “О направлении нашей поэзии, особенно лирической в последнее десятилетие” восклицал: “<...> не довольно <...> присваивать себе сокровища иноплеменников: да создастся для славы России поэзия истинно русская; да будет святая Русь не только в гражданском, но и нравственном мире первою державою во вселенной” [6, с. 442].

Все учебные пособия по истории русской критики отмечают: декабристы были убеждены, что русскому национальному характеру свойственны твердость духа, презрение к опасности и самой смерти, нетерпимость к любым формам угнетения. Но эту мысль впервые сформулировал Сомов. Цитата же из его статьи о “Романтической поэзии” приводится, как правило, с сокращениями и без ссылок на источник. Поэтому следует прочесть отрывок из этой работы без привычных купюр: “Но как же мы смешаем в общих свойствах всех народов эту твердость духа, презирающую опасности и самую смерть? Это безропотное повиновение властям законным и нетерпение ига чужого? Это радушное гостеприимство русских, прославленного даже иноплеменниками? <...> Есть кроме сего

многие и недостатки – мы их видим, и если не примечаем потому, что видим очень часто, то нам стоит только обратить внимание на сходные поступки разных лиц в разных сословиях, сравнить их с поступками других народов в тех же случаях, и тогда мы отдельно и ясно увидим оттенки нравственные, казавшиеся нам слитно и как бы в тумане” [2, с. 136].

Совершенно очевидно, что в данном случае Сомов повторил оценку славян, данную Гердером. Но именно декабристы установили традицию считать протестность главной чертой русского национального характера. Идеи борения и противостояния определили героический идеал, с точки зрения которого публицисты, связанные с революционным крылом освободительного движения, в течение последующих десятилетий XIX в. оценивали значимость художественных произведений.

Идеей народности критика гражданского романтизма обуславливала решение вопроса о назначении поэзии. В свое время Карамзин и Жуковский писали о роли искусства в нравственно-эстетическом просвещении и духовном совершенствовании личности. Для эстетики декабристов была актуальна формула “поэзия есть добродетель” (Кюхельбекер). Но добродетель, в их понимании, означала, прежде всего, героико-гражданские устремления человека и его способность воплотить их в жизнь. Поэтому в литературе они ценили в первую очередь вольнолюбиво-патриотическое содержание, которое служило бы общественному благу. Интересно отметить, что те же задачи ставили перед собой и польские литераторы. В “Предисловии к «Историческим песням»” (1816) Ю.У. Немцевич писал: “Напомнить юношеству о подвигах предков, знакомить его со светлейшими эпохами народной истории, сдружить любовь к отечеству с первыми впечатлениями памяти – вот верный способ для привития народу сильной привязанности к родине. <...> ничто уже тогда сих первых впечатлений, сих ранних понятий не в силах изгладить. Они крепнут с годами и творят храбрых для бою ратников, мужей доблестных для света”. Под этими словами, без сомнения, подписался бы Рылеев: не случайно он цитировал их в “Предисловии к отдельному изданию «Дум»” [2, с. 156]. Следует подчеркнуть, что героизация национального характера была свойственна литературе тех народов, которые испытывали подъем национального самосознания.

Задачи, поставленные декабристами перед искусством, обуславливали призывы к поэтам “помышлять”, прежде всего, об общественном благе. “<...> Поэт вещает правду и суд, торжествует о величии родного края, мечет перуны в супостатов, блажит праведника, клянет изверга”, – убеждал Кюхельбекер [6, с. 437]. “Я не поэт, а гражданин”, – провозглашал Рылеев. К этим словам можно относиться по-разному. Но не может не вызывать уважение неразделимость эстетических деклараций и судьбы поэта, который, взойдя 16 июля 1826 г. на эшафот, заявил: “Я счастлив, что дважды умираю за Отечество”...

Народность и соответствующий ей героический предмет изображения критика гражданского романтизма признавала “объективными и вечными” критериями оценки литературных явлений. На деле эти критерии не избавляли ее от односторонних, а порой ошибочных суждений о произведениях, не укладывавшихся в рамки установленных требований. Декабристы и литераторы, разделявшие их эстетические убеждения, безоговорочно принимали романтические поэмы Пушкина. Вяземский, например, восхищаясь “Кавказским пленником”, приписал вольнолюбию героя общественно-значимый смысл. В “Цыганах” Бестужев усмотрел народность характеров персонажей и самобытность содержания. Критик считал, что “это произведение далеко оставило за собой все, что он

(Пушкин. – Г.Ч.) писал прежде. В нем-то гений его, откинув всякое подражание, восстал в первородной своей красоте и простоте величественной. В нем сверкают молнийные очерки вольной жизни и глубоких страстей и усталого ума в борьбе с дикою природою” [1. Т. 2, с. 407]. Но первую главу “Евгения Онегина” критика гражданского романтизма приняла весьма сдержанно. Предмет изображения – прозаическая жизнь обыкновенных людей – не соответствовал принципам, которые должны определять “истинную поэзию” и отделять ее от “неистинной”. В “Евгении Онегине” не было героя, совершающего общественно-значимый поступок, поэтому они не могли признать роман Пушкина самобытным и расценили его отнюдь не как творческое достижение поэта. Подобные суждения свидетельствовали о том, что в критике наметилась тенденция “отставания” от литературы.

Заключение

К концу 1820-х гг. начинается кризис романтического миропонимания и роль критики гражданского романтизма объективно исчерпывается. Тем не менее, нельзя не учитывать вклад, который декабристы и их единомышленники внесли в историю русской критической мысли. Опираясь на учение Гердера, они идеологически обосновали критерий народности. Благодаря им, этот критерий стал основополагающим в русской критике, а позже – в литературной науке.

Декабристов можно упрекнуть в том, что их трактовка народности таила опасность превращения борьбы за национальную самобытность в национализм. В то же время сегодня, когда остро встал вопрос о защите этических и эстетических основ русской культуры, их литературно-критические суждения воспринимаются как серьезный и поучительный урок.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Бестужев, А. А.** Взгляд на русскую словесность в течение 1824 и начале 1825 годов / А. А. Бестужев // Сочинения : в 2 т. – М. : Художественная литература, 1981. – Т. 2. – С. 401–412.
2. Русская литература XIX в. Выпуск 1 : Литературное движение первой четверти XIX в. – Харьков : Изд-во Харьковского государственного университета, 1959. – 285 с.
3. **Гёте, И. В.** Поэзия и правда. Из моей жизни / И. В. Гёте. – М. : Захаров, 2003. – 736 с.
4. **Бердяев, Н. А.** Русская идея / Н. А. Бердяев / Вопросы философии. – № 1. – 1990. – С. 77–144.
5. **Руссо, Ж.-Ж.** Об общественном договоре. Трактаты / Ж.-Ж. Руссо – М. : Канон-Пресс : Кучково поле, 1998. – 416 с.
6. **Кюхельбекер, В. К.** Сочинения / В. К. Кюхельбекер – Л. : Художественная литература, 1989. – 576 с.
7. **Гердер, Г. И.** Идеи к философии истории человечества (Памятники исторической мысли) / Г. И. Гердер. – М. : Наука, 1977. – 705 с.

Поступила в редакцию 15.10.2014 г.

Контакты: e-mail: stanislavchernof2011@yandex.by (Чернова Галина Сергеевна)

Summary

The article analyses the historical, social and philosophical context in which critics of revolutionary romanticism began to look for the reasons for the national identity of the Russian literature. A link between the Russian judgments about nationality and European philosophical and aesthetic ideas is detected. The article presents the achievements and the “limit” of criticism of revolutionary romanticism. The idea of the protection of the national culture is accentuated.